

РУССКАЯ МЕЧТА

Александр ПРОХАНОВ.

Станислав, Юрий, благодарю вас, что принимаете меня в вашей мастерской, где я вижу чудные изделия. А из каких вы народов?

Станислав МАНИГА.

Мы эвены, Александр Андреевич, оленные кочевники...

Александр ПРОХАНОВ.

Вы кочевники. А ваши семьи с вами в город приехали, или жёны остались в своих поселениях?

Станислав МАНИГА.

Моя семья здесь, со мной.

Юрий ХАНЬКАН.

А моя осталась в поселении.

Александр ПРОХАНОВ.

Как вы пришли к своему таинственному ремеслу? Ведь резать по кости — это не просто художество, это магическое искусство.

Станислав МАНИГА.

Не магическое, а, скорее, жизневспомогательное. Оно идёт от тотемного мышления, от нашей ментальности. Если я изобразил животное, я как бы взял его душу, и оно уже моё, то есть я его добыл. Это охотничья ментальность — с одной стороны. Но с другой стороны, у нас есть много ограничений, что нельзя изображать. Например, нельзя изображать оленя.

Александр ПРОХАНОВ.

С чем это связано?

Станислав МАНИГА.

Может быть, с тем, что, по нашей мифологии олень — одно из существ, которое создано специально в помощь человеку. И создан он не из тех веществ, которые имеют небесное происхождение, а из того, что выросло на земле уже после того, как была создана вся природа. По нашим преданиям, олень вышел из лиственницы. Поэтому, может быть, к оленю такое бережное обращение. Олень у нас — это основа жизни: вокруг него наша жизнь и шла.

Александр ПРОХАНОВ.

Вы художником по образованию или по призванию?

Станислав МАНИГА.

Наверное, по призванию.

Юрий ХАНЬКАН.

Я резал по дереву, ещё когда в школе-интернате учился. Потом понемногу перешёл на рог, это более твёрдый и долговечный материал. Я стараюсь изобразить в своих работах жизнь северных народов: какие люди здесь живут, какая у нас природа, обычаи, традиции наших.

И я пришёл, Александр Андреевич, к тому заключению, что если человек что-то увидел и осознал удивленное, то начинает видеть мир шире. То есть человек, что-то изображая, начинает по-другому смотреть на мир. В том числе на природу. Вот осенью с дерева листик сорвался, летит. Упал на ручеёк, и понесло его. И человек, видя это, начинает размышлять, понимать, почему этот листик упал, почему его несёт ручей, куда несёт...

Я пишу сказки. И стараюсь в своих сказках выразить моё осознание мира. Стараюсь совместить наше понимание природы и жизнь коренных народов, да и не только коренных, но также тех, которые пришли сюда и здесь поселились. Хотя у нас суровый край: холодно, вечная мерзлота, но для людей, которые здесь живут, это самое красивое место. И я стараюсь через свои работы изобразить красоту нашего края.

Например, я изобразил женщину. А женщина — это начало жизни. Именно она даёт жизнь, с ней связано будущее. Как и солнце. Я считаю, что женщина и солнце — это одно. И мы к ней стараемся относиться так, чтобы сохранить её, уберечь, потому что она — основа жизни, она будущее даёт.

Александр ПРОХАНОВ.

Ваше творчество является для вас как бы средством познания мира. Вы сначала изображаете, потом погружаетесь в это изображение.

Юрий ХАНЬКАН.

Да. Если я работаю, то могу смотреть день, два на то, что хочу изобразить, на материал, из которого делаю, — на рог, например... И как увидев сюжет какой-то, что у меня сложилось, сразу, без эскизов, делаю. И получается, что без эскиза исполняю. Помогает, наверное, то, что я стараюсь выразить свои думы про наш край, про наших людей, наш быт, обычаи, традиции... Я это всё искренне делаю, и потому получается.

Александр ПРОХАНОВ.

А у эвенов есть молитвы? Заклинания — это молитвы?

Юрий ХАНЬКАН.

Заклинания — это не молитвы. Я считаю, у нас, как и у всех, в первую очередь есть вера — вера в то, что будет хорошо. Мы верим тому, что завтра будет лучше, чем сегодня. И я считаю, что как человек день проживёт, так и завтра для него наступит. Надо какую-то радость принести людям, которые тебя окружают. И если ты сегодня достойно прожил, тогда у тебя и завтра наступит.

Александр ПРОХАНОВ.

Это вера, конечно. Но ведь вера сопровождается какими-то ритуалами, знаменами. Скажем, у вас она сопровождается вашим искусством. Значит, ваше искусство в каком-то смысле — религиозное искусство?

Юрий ХАНЬКАН.

Я бы не сказал, что религиозное. Хотя есть что-то... Я стараюсь, чтобы каждая работа, даже мелкая, о чём-то рассказывала. Например, изобразил солнце, женщину, и её взгляд я сделал открытым, и это — взгляд в будущее. Женщина всегда думает, чтобы дома был уют, чтобы было продолжение рода. И в её открытом взгляде я изобразил её думы: как будет дальше? Она думает о будущем — о том, чтобы было всё хорошо.

Александр ПРОХАНОВ.

Вы угадали мои переживания, потому что я сейчас живу этими вопросами, задаю их себе: в чём наша российская мечта? О чём мечтает российский человек, русский ли он, эвен ли, мариец, чеченец... Женщины, которую вы изобразили, открыла глаза, потому что она видит впереди предмет своего мечтания, блага?

Юрий ХАНЬКАН.

Да. Или, например, я изобразил женщину — хранительницу очага. Когда начало жизни было, люди ведь не сразу стали в мегаполисах жить. И я изобразил юрту, костёр, хранительницу очага. У неё тоже полузакрытые глаза, она ждёт в юрте хозяина. Костёр тепло отдаёт... И за ней я изобразил древо жизни: то есть всё начинается с этого очага, вся жизнь... И продолжение идёт от очага.

Александр ПРОХАНОВ.

Это своеобразная космогония?

Юрий ХАНЬКАН.

Я стараюсь всегда что-то жизненное изобразить, чтобы был смысл. Чтобы эта работа несла и добро, и память, и что-то для будущего давала.

Александр ПРОХАНОВ.

Вы, изображая что-то конкретное, одновременно восходите к очень высоким понятиям, вселенским, космогоническим, мирозданию в целом.

Юрий ХАНЬКАН.

Хоть мы и живём как бы в замкнутом круге, где, казалось бы, всё predetermined, но всё равно, я считаю, как мы этот день проживём, так

мер, он сам не может в этом году выловить. Или семья лишилась кормильца — нет мужчины, и некому рыбу заготовить. Тогда находим между собой людей, чтобы им выловили, доставили, заготовили или заморозили, чтобы потом эти люди пользовались. Такая вот взаимовыручка.

Александр ПРОХАНОВ.

Вы ловите в море или реках?

Станислав МАНИГА.

Я ловлю в море. У меня обычная резиновая лодка надувная, я сетями ловлю.

Александр ПРОХАНОВ.

Себе как бы в утеху, не для прожитка?

Станислав МАНИГА.

Это только кажется, что в этом какая-то забава есть. Я расцениваю это как часть меня, собственно говоря. Потребность такая физическая есть. И опять же — питание, без этого тоже никак. Это составляет существенный рацион в моей семье. Мы питаемся так же, как питались наши родители, то есть мясо оленье или сохачье, говядина, рыба, картошка.

Александр ПРОХАНОВ.

Сколько сейчас эвенов в области?

ровался буквально и психологически. Вы — травмированные народы в этом смысле?

Станислав МАНИГА.

В этом смысле, да. Раньше, до революции, здесь жило много представителей наших народов: эвенов, коряков... Происходили между ними разные вещи, но ближе к революции система как-то наладилась. В принципе, и торговля процветала, в какой-то степени и власть была, были административные центры. Один из них, кстати, в Гижике находился. Был уездный город Гижигинск, достаточно крупный, тысячи полторы-две народу там проживало: и казаки русские, и эвены, в меньшей степени — коряки, якуты. Но с изменениями, в какой-то степени даже насильственными, уклада жизни, когда после революции людей начали собирать в колхозы, объединять в сельские советы (отдельно кочующие роды прикрепляли к тому или иному созданному населённому пункту), в связи с этим многое нарушилось и изменилось. Изменилась прежде всего среда обитания. Если раньше люди могли жить в тех местах, где они всегда обитали, то теперь они вынуждены были переезжать в село, в совсем другие условия. В связи с этим произошёл первый этап утраты хозяйствования, то есть образа жизни. А дальше уже развивалась система образования, когда детей стали забирать в интернаты. Сначала это сопровождалось даже

Беседуют главный редактор газеты «ЗАВТРА» Александр ПРОХАНОВ и мастера-косторезы Юрий ХАНЬКАН и Станислав МАНИГА

Фото Екатерины ГЛУШИК

Станислав МАНИГА.

Всего коренных народов около шести тысяч, эвенов из них — примерно 2,5-2,8 тысяч.

Александр ПРОХАНОВ.

Эта численность держится или колеблется?

Станислав МАНИГА.

Колеблется. Одно время в области коряков было меньше, чем эвенов. А теперь примерно сравнялось. Может быть, коряков стало чуть больше. Но количественно мы не уменьшились.

Александр ПРОХАНОВ.

А что мешает расти? Почему трудно увеличивать популяцию?

Станислав МАНИГА.

Тут разные причины. Может быть, изменение образа жизни тоже влияет. И большое значение имеют смешанные браки. Но в большинстве случаев, когда, допустим, девушка, представительница коренных народов, выходит за русского замуж, то буквально через полгода русский мужчина начинает жить точно так же, как мы. Начинает вести такой же образ жизни, потому что у них появляются дети, а детей надо кормить и кормить надо традиционной пищей.

Александр ПРОХАНОВ.

Женщины духовно сильнее мужчин. Всё равно она побеждает мужские качества, предрассудки.

Юрий ХАНЬКАН.

Да.

Станислав МАНИГА.

Но вот смотрите на нынешнее законодательство. Представители коренных народов должны выбирать себе национальность по своему желанию. То есть в свидетельстве о рождении не пишется национальность гражданина, а пишется национальность его родителей. А когда человек вырастает, и ему есть необходимость определить свою национальность, он может определить её, исходя из собственной фантазии или из тех данных, которые записаны у него в свидетельстве о рождении. Это вызывает определённые сложности.

Дело в том, что порой сотрудники загсов подходят к делу формально и родителям не пишут никакого национальности вообще. И потом люди, те, кто понастойчивее, вынуждены через суд доказывать свою национальность и таким образом включаться в статистику численности коренных народов. А некоторые просто этим не занимаются. Нет национальности, и всё.

Александр ПРОХАНОВ.

Думаю, здесь, у вас, был край, где жило очень хрупкое и немногочисленное коренное население — вдоль моря в основном, вдоль рек. Ваш быт был налажен, длился столетиями, если не тысячелетиями. И вдруг произошло вторжение.

Я побывал в посёлке Ола, на месте, где причалил первый пароход с геологом Юрием Библиным, который и начал здесь разработки золота. По существу, это был этанкий десант. Получается, в ваш край высидились люди с другой задачей, с другой психологией. Это были открыватели, это был спецназ по сути. Они шли ломать просеки, пробивать их, потом пошли заключённые. Пароходы, этапы, жестокая пора... Произошло вторжение в ваш мир. И ваш мир травми-

драматическими моментами, потом более-менее выровнялось. Это не только у нас, в Магаданской области, это и на Чукотке, и на всех северах. И то поколение в большей степени оказалось оторвано от традиционного образа жизни, чем даже нынешнее. Казалось бы, что очень сложные процессы происходили за последние десятилетия: утрачена и транспортная инфраструктура, и сообщения между населёнными пунктами, некоторые населённые пункты вообще перестали существовать, тем не менее численность коренных народов осталась порядка шести тысяч. Она так и сохраняется лет пятнадцать как.

Александр ПРОХАНОВ.

В вашем глубинном сознании Россия существует как важная данность? Или вы чувствуете себя этаким орнаментом на русском материке?

Станислав МАНИГА.

Был забавный случай. На южном курорте за границей мы встретились с разными ребятами. Нас много было. Мы, естественно, сложились там в компанию: один парень с Урала, другой — с Вологды, ещё один мужчина — с Ямало-Ненецкого округа, я — с Дальнего Востока. Сидим, разговариваем по-русски все. Подходят ещё несколько парней. Один, когда услышал, что я говорю по-русски, спрашивает у меня: "Ты что, русский?" Северянин смеётся и говорит: "Он настолько русский, что всем нам ещё до такой русскости далеко..."

Коренные народы Севера, Александр Андреевич, — это население с одной из самых устойчивых и несокрушимых позиций в русской государственности. Несмотря на то, что в истории всякие драматические моменты были, тем не менее даже сейчас статистика говорит, что в Магаданской области коренные народы — одни из самых устойчивых в миграционном отношении. Никуда никогда они не денутся. Они всегда были частью России и всегда будут ею. И ничего не изменилось в этой ментальности.

Юрий ХАНЬКАН.

Я вернулся к тому вопросу, Александр Андреевич, что вторжение было, когда высидились первые десант. Я знаю по рассказам, как первые казаки пришли. И я считаю, что если бы в то время правильно подошли к нашему нетронутому краю, правильно бы подошли к коренным жителям, было бы ещё лучше. Но это история уже. Однако всё равно — нам принесли грамоту. И хотя тяжело было, но вот сейчас-то мы сидим, разговариваем... Эвены, которые пришли сюда, на восток, они всё время шли навстречу солнцу. И старались дойти до этого солнца. Они всегда ментали, что под этим солнцем и природа, и корм будет, и всё будет хорошо — райская жизнь. Но уткнулись в Берингово море и остались кто на Камчатке, кто где.

Я считаю, что советская власть принесла что-то новое. Хоть и тяжело было, где-то, может, нарушили наши традиции, обычаи. По-другому, я думаю, уже всё равно никак не получилось бы. Кто-то должен был нас немного двинуть к цивилизации. Вот говорят: если мы эвены, то оленей должны пасти. Но я считаю так: пускай туда идут те люди, кому нравятся пасти. А чтобы эвены — северный народ — сохранились, они должны социальный путь выбирать. Дальше идти, уже в обратную сторону: и в Москве жить, и кто где захочет. Не только здесь оставаться, а чтобы у нас побольше врачей было, учителей. И тогда более сохранился бы наш народ.

Станислав МАНИГА.

... и наша территория.

Юрий ХАНЬКАН.

Да. Я считаю, мы как бы упустили момент в том смысле, что у нас не было грамотных. И думали, что так всё и будет продолжаться: юрта, вокруг олени... Но жизнь-то идёт вперёд. И мы должны идти.

Александр ПРОХАНОВ.

Юрий, с другой стороны, ваше творчество питается именно старым укладом, он вас вдохновляет, он делает вас таким необычным, глубоким?

Юрий ХАНЬКАН.

Правильно. Но чтобы сохранились северные народы, нужно их продвигать, помогать развитию. И только тогда будем жить правильно. Мы к этому пришли, возврата нет. И нужно идти вперёд.

Станислав МАНИГА.

Если обратить внимание, даже само слово "Урал" — это эвенское слово; и от Урала до Чукотки названия рек — почти всё эвенские слова.

Александр ПРОХАНОВ.

Может быть, даже олени произошли от эвенов?

Станислав МАНИГА.

Может быть.

Юрий ХАНЬКАН.

Наверное.

Александр ПРОХАНОВ.

Юрий, Вы сказки сочиняете. Не могли бы рассказать?

Юрий ХАНЬКАН.

Могу рассказать. Жила семья: отец, мать и дочь. Лес вокруг. И как вечер наступит, в ясную погоду дочь всё время выходила и смотрела на Луну.

Так она каждый вечер выходила. И вот однажды она вышла и смотрит в небо, а оттуда, с небес, спускается старый месяц. Она давай смотреть, наблюдать. Смотрит, смотрит. Раз — и он спустился прямо рядом, недалеко, на лесное озеро. Она побежала, подкралась, сперва начала наблюдать. И видит, что месяц себя водой поливает, брызгает на себя. Она аккуратно подошла и спросила: "Вы возьмёте меня с собой туда, в небо?" Месяц говорит: "Нет, не возьми. Но если ты мне поможешь..." И она в самый последний момент увидела, что на месяце маленький-маленький цветок растёт, и вот его он и поливает. "Конечно, буду помогать!" И она поднялась, вознеслась...

Если сейчас выйти в полнолуние, обязательно зимой, увидишь, что на Луне стоит девушка с ведёрком и смотрит на Землю. Это та девушка. Она смотрит на зелёную Землю, надеется, что когда-то на Луне также будут цветы, растения. С надеждой стоит и смотрит...

Александр ПРОХАНОВ.

Прекрасная сказка...

Юрий ХАНЬКАН.

Я выразил так будущее: может, когда-то и в нашем краю так же будет.

Александр ПРОХАНОВ.

Вы, по существу, в поэтической сказочной форме изложили современный Лунный проект. Я был в Амурской области на космодроме "Восточный". Там сейчас готовится тяжёлая ракета, эта ракета будет осуществлять Лунный проект, тогда на Луне будут и населённые пункты, и леса, будут белки и лунные птицы...

Юрий ХАНЬКАН.

У меня есть работа "Кедровка-лесовод". Она в клюве держит семечку. А почему лесовод? Потому что кедровка каждую осень начинает делать запасы, чтобы перезимовать. И таким образом она непроизвольно сажает леса, потому что 50% припасённого, зарытого, этих запасов семечек она не находит, и они прорастают.

Я изобразил также "Радость белки" — такая работа есть. Я много в тайге был, сам охотник. И вот я изобразил белый гриб, большой, красивый. И белку — чуть поменьше. Меня спрашивают: а почему гриб такой большой? Я говорю: "Это я изобразил радость белки!" Мечта белки. Она пришла на грибовое место: соберёт, высушит и перезимует. И всё будет у неё хорошо. Часто изображаю волков. Волк для меня — священное животное. Я считаю, что волк, как и кедровка, даёт жизнь. Многим очень даёт жизнь. Если, допустим, зима, мороз, декабрь месяц, короткие дни, то все звери — даже мыши, горностаи — ждут. Они ждут одного: когда услышат вой волка. И вот однажды в лунную зимнюю ночь раздаётся вой волка. У всех радость, счастье. Утром они все бегут туда, откуда прозвучал этот вой, подходят к этому месту... Это спасение. Волк добыл для себя леса, олени. Но те — птички маленькие, мыши, которые добыть себе не могут, — все туда бегут, как на спасение. Праздник всем! И они питаются. Волк даёт продолжение природе нашей и жизни. Это круговорот жизни в природе.

Александр ПРОХАНОВ.

Спасибо, Юрий, Станислав, что приняли у себя, наградили своим общением, рассказами, сказками. Вы — настоящие маги полярного света.

Юрий ХАНЬКАН, Станислав МАНИГА.

Вам спасибо, Александр Андреевич, что побывали у нас.